

Старушка

Эта история случилась много лет назад. Один офицер в нашем гарнизоне привёз к себе старуху мать из деревни. Сложно на старости лет покидать родные места. Мать согласилась продать дом и скотину и доживать свой век у сына. Отдав все деньги от продажи имущества сыну, дома она стала бесправной. Невестка даже пенсию свекрови забирала себе. Старушка молча сносила все обиды. Но невестке и этого казалось мало. Когда все уходили из дома, то квартиру закрывали, а её выставляли на улицу. Бедная женщина сидела целыми днями на скамейке у подъезда. Если шёл дождь или снег, старушка уходила на детскую площадку и сидела там под грибком.

Помню, как-то я попросила десятилетнюю дочь вынести остатки обеда беспризорным кошкам и собакам, живущим во дворе. Минут через пять дочь прибежала и, схватив кусок хлеба, заспешила к двери. «Ты куда?» – спросила я дочь. «Мамочка, ты знаешь, когда я хотела покормить кошек, бабушка, которая сидит на скамейке, сказала, что она сильно голодна, и попросила отдать ей еду. Мамочка, давай её покормим», – сказала доченька, взглянув на меня вопросительно. «Сходи, пригласи её в дом, мы покормим её, она погрееется, сейчас на улице холодно и ветрено», – ответила я. Радостная дочь побежала звать старушку к нам. Вернулась она в слезах минут через двадцать. «Мамочка, я её уговаривала, но она наотрез отказалась, ей невестка запрещает разговаривать с другими людьми, а тем более ходить к кому-то». Ребёнок рассказывал, а по лицу текли слёзки. Я молча пошла на кухню и сделала несколько бутербродов. Протянув свёрток дочери, я сказала: «Отнеси их старушке». Вечером дочь была

Родилась в Казахстане. По образованию психолог. Член Международного Союза журналистов и литераторов, член Союза журналистов Германии, телеведущая. С 1998 года живёт и работает в Германии. Руководит Центром психологической помощи в Дармштадте, является практикующим психологом и парапсихологом. Произведения Лилии Васильевны печатались в России, Германии, Чехии, Австрии, Бельгии и других странах как отдельными книгами (например, в серии «Русский мир Германии»), так и в составе литературно-художественных альманахов. Опубликовано 15 книг, около 90 рассказов, размещённых в сборниках поэзии и прозы. Творчество автора отмечено наградами международных литературных конкурсов. Победитель Второго Пражского международного литературного фестиваля «Пражский граммофон» (2009) в номинации «Для детей с улыбкой», бронзовый лауреат Второго МЛК «Лучшая книга года – 2010» (Берлин) в номинации «Юмор» (книга «Смехотерапия»).

задумчива и, уйдя в детскую, тихо лежала в своей кроватке. Когда я подошла пожелать ей спокойной ночи и нагнулась поцеловать её, дочь крепко обняла меня и произнесла: «Мамочка, ты не бойся, когда ты будешь старенькой, я буду заботиться о тебе и кормить. И никогда не выгоню на улицу». У меня сжалось горло от подступивших слёз, и я молча погладила дочь по головке.

Отправляя каждое утро ребёнка в школу, я давала ей два бутерброда для старушки. У взрослых старушка нечего не брала.

У судьбы не бывает случайностей

Когда много лет назад вышла моя первая книга, я была не просто счастлива, я парила над землёй. Книга была тоненькая, до ста страниц, белого цвета. И если кто-либо называл её брошюрой, я обижалась, утверждая, что это книга. У меня появилась привычка всегда брать с собой одну, а то и две книги. Благо вес у неё был небольшой.

Время шло, за первой последовали вторая, третья, четвёртая и т.д. Следующие книги были в красивых красочных обложках, каждая более двухсот страниц, и весили уже за триста грамм. Но я всё равно носила одну или две книги с собой. Сумки я теперь покупала себе не маленькие, а огромные и вместительные.

Все мои книги написаны на реальном материале, и поэтому там часто упоминаются конкретные страны, города, отели и рестораны.

Как-то мы были в ресторане «Ente» Wiesbadene, справляли день моего рожде-

ния. А у меня с собой, ну совершенно случайно, оказалась книга, где был рассказ с упоминанием этого ресторана.

Я дочери говорю по-русски:

– У меня книга в сумочке, а там рассказ об этом ресторане.

Дочь отвечает:

– Мама, ты чего? Рассказ-то юмористический, а ресторан этот супер-люкс, молчи и ешь.

Но не тут-то было, если я себе что-либо в голову забью, колом не выбьешь.

Я так опять, ну скромненько, правда на немецком языке, чуть ли не на весь зал объясняю, что у меня с собой книга, а в ней про этот ресторан пропечатано. Третий гость нашего стола, местный немец, услышав это, говорит мне:

– Это прекрасно!

И тут же зовёт хозяина ресторана.

– Эта дама русская писательница, в её книге написано про ваш ресторан! – гордо заявляет он директору.

Тот, расплывшись в улыбке, произносит фразу, ласкающую слух каждого пишущего человека.

– Наш ресторан почтит за честь иметь вашу книгу с автографом, вы можете её нам подарить?

– Нет проблем, я сейчас вам её подпишу! – заявляю я и начинаю писать на своём плохом немецком языке.

Дочь и знакомый помогают мне грамотно подписать, указывая на возможные ошибки.

Хозяин, гордый, уходит с книгой, а я, ещё более гордая, продолжаю есть своего омара.

Когда подошло время десерта, сам хозяин ресторана вынес нам марципановый торт со словами:

– Это вам от нашего ресторана, подарок ко дню рождения! Если я скажу, что я была горда, я совру. Меня просто распирало от гордости. Тем более что весь зал смотрел на меня.

Недавно, собираясь в очередной отпуск в маленький городок Монтегрото в Италии, я так, ну чисто случайно, положила в чемодан две книги, где в одной из глав был упомянут этот городок и отель, куда я собиралась снова.

При первом удобном случае я, сказав хозяйке отеля, что отсюда и досюда написано про её «Гранд-отель», подарила ей книгу.

У хозяйки оказалась русская подруга, которая, видно, перевела ей текст, где было упомянуто название отеля. Когда я при отъезде оплачивала счёт, он порадовал меня. Вместо четырёхзначной цифры там была трёхзначная. Мне дали скидку пятьдесят процентов.

Теперь я решила и дальше писать названия всего, что я вижу и где бываю.

Никто не знает, про какой там замок или остров в океане? Я мухой туда, и всё мигом опишу, сделаю как надо и не надо, только намекните. Правда, я больше как-то по юмору специализируюсь, но это не беда. Смех, он жизнь продлевает.

Не зря говорят: у судьбы не бывает случайностей!

Монстр

В начале февраля воспитательница в детском садике попросила, если это возможно, принести внучке маскарадный костюм, так как 16 и 17 февраля в садике все должны быть в костюмах. Взяв внучку из садика, мы с моей приятельницей и внучкой пошли по магазинам. Каких там только нарядов не было! Я подвела внучку к платьям принцесс. Внучка на эту красоту не обратила внимания. Костюм утёнка ребёнок согласился примерить, но, повертевшись перед зеркалом, малышка отвергла его. Зато ей приглянулся костюм ярко-зелёного цвета. Ткань его выглядела как длинная шерсть. «Хочу этот», – сказала девочка. «Давай примерим вот это», – протягивая внучке очаровательный костюм дракончика, сказала я. Её привлёк хвост дракона, и она позволила снять с себя костюм зелёного монстра. Костюм дракона ребёнку не понравился. Покрутившись перед зеркалом, стала снимать костюм дракона. «Мне нравится этот», – сказала девочка, вцепившись мёртвой хваткой в костюм зелёного монстра. «Солнышко, девочке хорошо подходит платье принцессы, это так красиво», – убеждала я внучку. Но она хотела только костюм монстра и крепко держалась за него. Мне пришлось сдаться, и мы пошли к кассе. Чтобы положить покупку на прилавок, малышка встала на цыпочки. Я оплатила покупку, внучка взяла пакет, крепко прижала к себе, и мы пошли на выход.

Дома малышка попросила надеть на неё костюм. Зелёный монстр подкрался к родителям и громко зарычал. Зять от испуга или, вернее, от неожиданности присел и неодобрительно посмотрел на меня. «Юленька сама выбрала этот костюм», – оправдываясь, пояснила я.

Утром мы пришли в детский сад в костюме монстра. Я насчитала восемь принцесс, шесть пиратов, четырёх пчёл и столько же рыцарей. Трёх божьих коровок, две клубнички. Вот только зелёный монстр и робот были в единственном числе. Вечером, когда я забирала внучку, её довольное личико было разрисовано под цвет костюма. Все воспитатели с восторгом говорили, что все детки хотели играть с Юлей.

В центре города на время праздника поставили карусели и качели. Внучка упростила меня покатасть её на карусели. Я посадила девочку в машинку, и она каталась в гордом одиночестве. Я взяла ей два билета. Дети, проходившие мимо карусели, стали требовать у родителей разрешить им покатасться, как этот зелёный монстр. Так что на следующий заезд не было свободных мест. Когда мы уходили домой, хозяин карусели приветливо помахал нам и пригласил приходить ещё.

Сухарики

Много лет назад я услышала эту историю, и она запала мне в душу. Была я молодой девушкой, все мы тогда думали о любви. Я не стала исключением и порой тоже обращала внимание на молодых людей. Сидели мы как-то с подружкой и обсуждали наши амурные дела. А в другой комнате сидела её мать и что-то шила на швейной машинке. Мы даже не заметили, что стрёкот швейной машинки прекратился. И так же громко обсуждали, кто любит нас и кого любим мы.

– Какие вы ещё глупые, девочки, даже простое увлечение принимаете за любовь.

Любовь – это такое чувство, от которого и петь, и плакать хочется, – сказала Надежда Петровна, стоя у двери в нашу комнату.

– Мама, ну откуда ты знаешь, какая бывает любовь? – сердито поджав губы, спросила Людмила, моя лучшая подруга, дочь Надежды Петровны.

– Да оттуда, доченька, что мне посчастливилось встретить настоящую любовь, твоего отца. И мы с ним прожили душа в душу двадцать шесть лет, до самой его смерти, – ответила Надежда Петровна.

Несколько лет назад отец Людмилы трагически погиб, и её мать одна поднимала четверых детей. Вернее, трёх дочерей – двух студенток и одну школьницу. Старший брат Людмилы, Владимир, был офицером, после окончания военного училища он служил в маленьком гарнизоне в какой-то глухомани, и я тайно вздыхала о нём.

Надежда Петровна работала врачом, а также обшивала всю семью и знакомых. Я её немного побаивалась. И вдруг эта постоянно занятая, строгая женщина решила поговорить с нами. Да еще и на тему любви.

– Доченька принеси мне чёрный ридикюль, – попросила Надежда Петровна дочь. Людмила стрелой понеслась в спальню за сумочкой, которую мать запрещала трогать детям.

– Вот сумочка, мама.

С этими словами девушка благоговейно протянула матери ридикюль. И мы, сев поближе, приготовились услышать рассказ Надежды Петровны.

Надежда Петровна достала из сумочки пачку писем, перевязанных розовой выцветшей ленточкой, много коробочек и несколько фотографий.

На одной фотографии стояли четыре девушки в нарядных платьях, видно было, что они счастливы. Надежда Петровна взяла фото и долго смотрела на него.

– Это я с подружками после выпускного бала. Мы ещё не знаем, что в эту ночь началась война, – сказала женщина.

На следующей фотографии эти же девушки, но уже в пальто и хмурые.

– Это мы на первом курсе медицинского института. Мы все ходили в военкомат, просились на фронт, но военком выгнал нас, – продолжила рассказ Надежда Петровна.

На следующем фото две девушки в военной форме, а Надежда Петровна и девушка рядом с ней в гражданской одежде.

– Это Зина и Катя, они были на год старше нас с Марией и добились отправки на фронт санитарками. Больше мы не виделись. Зина погибла под Ленинградом в сорок третьем году, а Катюша в Польше в сорок четвёртом.

На следующей фотографии Надежда Петровна была в военной форме и стояла на фото вдвоём с Марией.

– Летом сорок четвёртого я, окончив ускоренный курс мединститута, ушла на фронт. Мария осталась учиться дальше. Потери на фронте были большие, и нас, молодых врачей, бросали в самое пекло. Я попала на Ленинградский фронт. После гибели подруг я ушла в себя и на ухаживания молодых людей не отвечала. Я считала, что здоровые парни не должны сидеть на брони в тылу, а должны идти на фронт. А уж тем более – какие могут быть ухаживания, если идет война? Молодые люди максималисты. Я даже не поняла свою подругу Марию, которая влюбилась и вышла замуж за нашего однокурсника, белобилетника Сашку Коломийцева.

Я попала в лазарет и работала там по несколько смен. Пока начальник лазарета Нина Григорьевна Лепсверидзе не прогоняла меня спать, крича при этом:

– Тебе ещё надо замуж выйти и детей рожать.

Я доходила до кровати и, коснувшись подушки, тут же засыпала. Если не было наплыва раненых, я спала по пять, а то и по шесть часов. Открыв глаза, я чувствовала себя отдохнувшей и бодрой.

Помню, в тот день я не захотела спать и вышла на поляну. Кругом стояла тишина, было тепло, в траве стрекотал кузнечик. Только покорёженная снарядом берёзка да вырытые траншеи напоминали о том, что здесь шли бои. Возле берёзки была нетронутая лужайка, и я, сняв гимнастёрку, прилегла на мягкую траву и задремала. Мне показалась, что по моей шее и щеке ползёт муха, и я в полудрёме пыталась отогнать её. Но назойливая муха не отставала. Я открыла глаза и увидела молодого офицера в звании лейтенанта, он сидел на берёзе и водил по моему лицу травинкой.

– Вы так красиво спали! Жаль, что я не художник, а то нарисовал бы вас, – проговорил молодой человек и добавил:

– Я всё гадал, какого цвета ваши глаза, и почему-то думал, что они синие, как небо над нами. Я рад, что не ошибся.

Парень улыбнулся, и мне показалось, что вокруг стало светлее. У меня заложило уши, и я поняла, что не хочу, чтобы он уходил. В это время подул ветерок, и я с ужасом увидела, что сижу перед незнакомым мужчиной в одной майке. От смущения я покраснела и быстро надела гимнастёрку.

– Ребята на батарее говорили, что у нас новая красивая докторша, я думал, они привирают, а теперь вижу, что нет. А меня

Иваном зовут, – протягивая руку, проговорил парень, резко меняя тему.

– Младший лейтенант медицинской службы Павлова Надежда Петровна, – официально представилась я.

– Это хорошо, что Надежда. Вы мне понравились, Надежда, и когда закончится война, я хочу, чтобы вы вышли за меня замуж, – смеясь, сказал молодой человек.

Я растерялась, так как не могла понять, шутит он или нет. Я хотела обидеться на него, но мне было с ним хорошо.

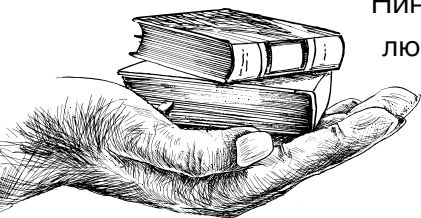
– Вы извините, я бегу к командиру батареи. Вот хотел здесь срезать, чтобы быстрее попасть в штаб, и, наоборот, опоздал, – убегая, прокричал Иван.

– Это была первая встреча с твоим отцом, Людмила, – проговорила Надежда Павловна.

Я всмотрелась в лицо женщины и увидела перед собой не пятидесятилетнюю женщину, придавленную заботами и работой, а молодую влюблённую девушку. Синие глаза Надежды Павловны сияли как звёзды, по щекам разлился румянец. Её тёмно-русые волосы, посеребрённые на висках, были заплетены в косу и уложены короной на голове. Оказывается, она совсем не сердитая, да к тому же просто красавица.

– Оказалось, что один солдат из оружейного расчёта Ивана встречался с санитарочкой из нашего лазарета. Приходя на свидания, он всегда передавал мне приветы от своего командира. Да и Ванечка при любой возможности старался появиться в лазарете. Он всегда приносил нам, что-нибудь вкусное. Даже

Нина Григорьевна, на корню пресекающая все любовные романы, благосклонно относилась к визитам Ивана. И старалась дать нам

немного времени побыть вдвоём. Тогда мы уходили на нашу лужайку и сидели на берёзке, взявшись за руки.

У нас была чистая любовь, и ни один острослов на батарее не говорил плохого в наш адрес. Однажды Иван спросил, что я люблю есть. Я сказала, что очень люблю есть сухарики.

Через неделю Иван принёс нам в лазарет много сухариков. Так продолжалось с месяц. Потом командир батареи зашёл за чем-то в блиндаж, где жил расчёт Ивана, и оказалось, что твой отец на самом видном месте повесил кальсоны, завязав штанины тесёмками, и ребята в них сушили сухарики для нас. Когда рассерженный командир спросил, кто это безобразие повесил посреди блиндажа, все в один голос ответили, что их командир сушит сухарики для своей докторши.

Когда я узнала, как Иван сушит сухари, я попеняла ему за это, на что он ответил:

– Это новые кальсоны, я их ни разу не надевал. А на то, что мужики гогочут, не обращай внимания, им бы, бугаям, только повод дать посмеяться. Совсем не умеют ценить прекрасное.

К нам в лазарет долго приходили зеваки из других батарей, чтобы посмотреть на докторшу, для которой сухари в кальсонах сушили. Но я поняла, что люблю своего Ванечку, да и шутки были добрыми.

Мы с твоим отцом прошли до Польши, и затем, когда нашу дивизию после войны вывели в Советский Союз, мы с ним пошли в ЗАГС и расписались. И до самой его смерти не расставались. Твой отец очень любил меня и сделал счастливой. Вот эти награды твоего отца и мои. После войны я восстановилась в институте и окончила, отец остался служить в армии. И ты, доченька, знаешь, сколько мы поменяли гарнизонов. Но я была самой счастливой

женщиной в мире. Мы пережили такую войну и остались живы, у нас родилось четверо чудесных детей. И твой отец всегда сушил сухарики, правда, уже на подоконнике

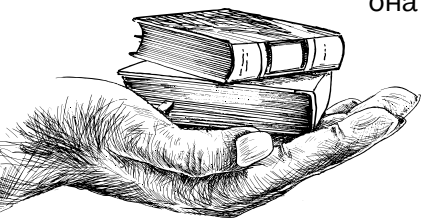
Уроки жизни

Человек рождается, растёт, учится, заводит семью, рождает детей. Дети – они часто бывают жестокими, порой просто говорят то, что видят, констатируя факты.

Помню, мне было лет пять. Мы приехали в гости в Ленинград и пошли вместе с родственниками в зоопарк. Погода стояла жаркая, и мы с сестрой были одеты в красивые платья из цветного капрона, на шёлковых чехлах. Мама прикрепила нам в волосы огромные банты в тон платьям. Смотря на фото тех лет, я думаю, сколько ей пришлось повозиться с моим бантом, так как волос на моей голове было катастрофически мало. Мы шли по улицам, и часто раздавалось вслед: «Какие очаровательные девочки». Даже сейчас, когда мне за пятьдесят, я и то свечусь от похвал, а тогда, я думаю, меня просто распирало от гордости.

У вольера с белым медведем рядом со мной встала девочка лет десяти и загородила весь обзор. Я поймала её взгляд, когда она посмотрела на нас с сестрой, таких красивых и нарядных. На ней же были полинявшая ситцевая юбка с заплаткой на боку и вязаная растянутая кофта. Я, разозлившись на неё за то, что она закрыла мне весь вид, громко сказала:

– Мама, пусть эта нищенка уйдёт, мне не видно медведя.

Я ожидала, что моя мама прогонит эту девочку. Каково же было моё разочарование, когда мама, взяв меня крепко за руку, отвела от вольера и сказала:

– Никогда, ты меня слышишь, никогда, не смей говорить так про людей. У её родителей, возможно, нет денег на красивые платья, но девочка в этом не виновата. Иди и сейчас же извинись перед ней.

И для верности мама шлёпнула меня пониже спины. Я разревелась, но мои слёзы не тронули маму, и я подошла к девочке и сказала:

– Извини, я не знала, что у твоих папы с мамой нет денег.

Девочка, ничего не ответив, отошла к другому вольеру, а мама вместо благодарности нахмурилась. Я тоже надулась, так и не поняв своим детским умишком, в чём дело. Мы пошли дальше, и нам всем купили сладкую вату на палочке. Я была счастлива и забыла об этом инциденте.

Мы уже доедали сладкую вату, когда подошли к вольеру с бегемотами. Их было два, и они сидели в воде, выставив только морды. Несколько мальчишек, повиснув на заборе, кидали в них камушки. Когда мы подошли, один из бегемотов грозно заревел, так как камень попал ему в нос. Я протиснулась к самой решётке и с любопытством смотрела на невиданного зверя. Огромный бегемот грузно вышел из бассейна и, повернувшись к обидчикам, задом стал извергать фекалии, размахивая тонким хвостиком. Это напоминало извержение лавы из жерла вулкана. Фекалии летели на зрителей, мне досталось много, так как я стояла совсем рядом с решёткой. Я до сих пор отчётливо помню, как противная сильно пахнущая вязкая жижа прилипла к моей коже. Все бросились врассыпную, а меня, громко ревущую, мама, подхватив на руки,

отнесла в сторону. К нам уже бежали служители зоопарка. Запах от толпы стоял ещё тот, и кто-то предложил смыть всё это под струями поливочной машины, которая медленно ехала по соседней аллее. Все пострадавшие дружно кинулись туда. Когда меня, зарёванную и мокрую, мама выводила за руку из зоопарка, я увидела ту девочку, которую назвала нищенкой. Она заливалась весёлым смехом, глядя на меня.

Я на всю жизнь запомнила этот урок. Стала осторожна в оценках и суждениях по поводу других людей.

Я росла, и жизнь учила меня, что есть добро и зло, здоровье и болезнь, богатство и бедность.

Когда я окончила восемь классов, мама отдала меня в медицинское училище, решив, что после него у меня один путь – медицинский институт, а не филологический факультет, о котором я мечтала. Но слово родителей – закон, и я стала учиться там, где хотела мама.

Была у нас на курсе Люба Дягилева, она жила вдвоём со старенькой бабушкой. Отец её давно оставил их, а мать умерла от рака. Они с бабушкой считали каждую копейку, и мы, её подружки, старались подкормить Любу. Однажды, когда нам давали стипендию, к кассе подошёл преподаватель и стал требовать, чтобы каждый студент купил лотерейный билет, иначе не видать зачёта по его предмету. Нет зачёта – нет стипендии, и мы, скрипя зубами, выкладывали пятьдесят копеек за билет лотереи ДО-СААФ. Когда очередь дошла до Любы, она стала слёзно умолять Геннадия Николаевича оставить ей эти деньги.

– Мы с бабушкой на эти деньги три дня прожить можем, купим кило мойвы

по сорок четыре копейки, напечём пирогов и наедемся. Можно я не буду брать билет?

– Я тогда, Дягилева, не поставлю тебе зачёт и вообще стипендии лишу, – с пеной у рта кричал преподаватель.

Делать нечего, и рыдающая Люба купила этот билет. Мы с девочками посочувствовали ей. Я же про себя подумала: «Ну почему ей такое наказание?» и успокоила её:

– Ты не расстраивайся, может, ещё машину выиграешь!

– Отстань, Ковалёва, и без тебя тошно, – услышала я в ответ.

Прошло несколько месяцев, наступило время розыгрыша лотереи, и – о чудо! – на билет Любы выпал выигрыш, мотоцикл с коляской «Урал».

Не передать, как она была счастлива, и закричала:

– Когда получу выигрыш, наемся от пуза!

Мы все были рады, что судьба ей улыбнулась. Зато наш преподаватель Геннадий Николаевич ходил мрачнее тучи. В следующий раз он скупил все лотерейные билеты сам, не заставляя студентов выкладывать свои кровные, и, конечно же, ничего не выиграл.

Прошло много лет, я вышла замуж, родила ребёнка, развелась. Жили мы с дочерью дружно. Когда она поступила в университет, то в один из дней, придя домой, попросила:

– Мама, со мной девочка учится, она из детского дома. Можно я приглашу её завтра к нам на обед?

– Конечно, пригласи, я приготовлю обед! – ответила я.

На следующий день дочь пришла с новой подружкой. Девочка выглядела усталой и измождённой. Когда мы садились за стол, я перехватила её взгляд, украдкой брошенный на еду. Это был взгляд оголодавшего человека. Ни до, ни после я не ви-

дела ни у кого такого взгляда. Девочка стеснялась, и я старалась подложить ей ещё кусочек на тарелку. Уходила она от нас с сожалением. Прощаясь, я пригласила её прийти завтра. Вечером мы долго говорили с дочерью и решили предложить Алле пожить у нас.

На следующий день мы озвучили наше предложение.

На глазах у девушки выступили слёзы:

– Спасибо, а я не буду вам мешать? – дрожащим голосом спросила она.

– Нет, мы будем только рады! – хором воскликнули мы с дочерью.

Собрав свой небогатый багаж, Алла переехала к нам.

Ночью я проснулась от крика.

– Не трогайте меня, не бейте! – раздавалось из комнаты девушки.

Дочь тоже выскочила из своей комнаты.

– Алла, что с тобой? – спросила я её, трясая за плечо.

– Всё нормально, просто плохой сон приснился. Вы простите, что я вас разбудила своими криками, – извиняющимся тоном произнесла девушка. Со временем она стала оттаивать душой, округлилась, улыбка всё чаще стала появляться на её лице. И кричать по ночам она тоже перестала.

Я ломала голову, как одеть и обуть её. Сидя вечером за подсчётами, я подняла глаза вверх и взмолилась:

– Мне нужно пять тысяч на одежду для бедной девочки!

Через несколько дней я, с девочками гуляя по рынку, в киоске купила три билетика «Лото-спринт». На один из них выпал выигрыш в пять тысяч рублей.

– Девочки, мы богаты, у нас куча денег! – закричала я. А про себя ругнулась:

– И почему я, Солоха, десять тысяч не попросила!

После проверки билета мы получили деньги и купили Алле обновки.

Я заметила, что тех людей, которые издеваются над другими, судьба жестоко наказывает, и наоборот, тем, кто очень нуждается, приходит помощь.